

Евангелине и Петре

ОТ АВТОРА

Сиэтл, декабрь 2017 года

Дорогой читатель!

Это мой десятый роман. Меня тянуло в Париж всегда, я мечтала о Городе Света давно, еще в колледже. Потом я много путешествовала, работала над очередным романом, и по разным причинам у меня никак не получалось побывать во Франции. Но я всегда знала, что когда-нибудь напишу книгу, герои которой будут жить в Париже. Правда, в моих предыдущих романах герои тоже приезжали в Париж, но до сих пор еще никогда действие не происходило только в этом городе, и сейчас я немного волнуюсь.

Работая над романом, я жила странной жизнью: старалась быть хорошей мамой для трех моих маленьких сыновей в Сиэтле и одновременно заглядывала вместе с моими героями в самые прелестные парижские кафе, наслаждалась видами знаменитого города. Я поднималась на Монмартр, любовалась на улице Клер красочными лотками с фруктами и цветами, пила эспрессо в маленьких бистро в неведомых переулках.

Но в моем романе речь идет не о шоколадных круассанах и Эйфелевой башне в весенний день. Его герои проходят через суровые испытания не только в оккупированном немецкими фашистами Париже, но и в наши дни. Они учатся — успешно и не очень — бороться со злой судьбой, прощать и любить.

Эта книга — мое признание в любви Парижу. Возможно, что не последнее. А пока я надеюсь, что вам понравится эта история и вы полюбите ее героев и весь Париж, до последнего его цветка.

С любовью,

Сара

Глава 1

КАРОЛИНА

4 сентября 2009 года
Париж, Франция

Как он мог? С пылающими щеками я вскочила на велосипед и, крутя педали, помчалась вниз по улице Клер мимо лотков с блестящими лиловыми баклажанами, с букетиками цветов, розовыми пионами и золотистыми подсолнухами в крошечных ведерках, мимо кафе «Дю Монд», где я иногда покупала кофе, если слишком уставала и мне было в облом идти пешком до «Бистро Жанти», мимо старушки, выгуливавшей крошечного белого пуделя. Несмотря на яркое солнце над головой, она, как закоренелый пессимист, сжимала в костлявом кулачке зачехленный зонтик, словно небеса могли в любой момент разверзнуться и обрушиться на город свою накопившуюся ярость.

Ярость — да, я испытывала именно ее. Во мне бурлила ярость. Меньше всего я ожидала или хотела увидеть *его* сегодня утром. После всего, что произошло, неужели ему не хватило порядочности уважать мои желания? Ведь я сказала ему, что не хочу его видеть ни сейчас, ни... вообще когда-либо. Но он

все-таки материализовался передо мной, да не где-нибудь, а в кафе «Дю Монд», улыбаясь как ни в чем не бывало, как будто...

Я сморгнула слезы, стараясь не терять остатки самообладания. Прошлым вечером я не сумела сдержаться, швырнула на скатерть салфетку, заорала на него и выскочила на улицу... А вот истинные парижанки, в отличие от меня, никогда не утрачивают самообладания.

В этом отношении мне предстояло еще много работать над собой, но вообще-то я уже могла сойти за француженку, по крайней мере, если не смотреть слишком пристально. Я ездила на велосипеде в платье. С легким шарфиком на шее. Светлые волосы завязывала на макушке в пучок. Без шлема. У меня ушло три года, чтобы мало-мальски овладеть языком (подчеркиваю — мало-мальски), но вот на адекватное владение французским стилем я пока и не надеялась — на это уйдет вся жизнь.

Но разве теперь это имело какое-то значение? Со временем Париж стал моим убежищем, моим коконом, моим спасением от прошлых горестей и драм. Я сморгнула слезы. А сейчас? Неужели этот идиот в самом деле уверен, что может вот так впорхнуть в кафе и я буду вести себя так, словно ничего не случилось? Что одним взмахом волшебной палочки можно вернуться в те времена, когда у нас все было хорошо?

Вздрогнув, я оглянулась через плечо — убедиться, что он не преследовал меня. Кажется, нет,

и я помчалась еще быстрее и свернула за угол, где мужчина в кожаной куртке поймал мой взгляд и улыбнулся так, словно мы встречались и раньше. Нет, не встречались. Сказать, что французы на редкость самонадеянные, — не сказать ничего. По-моему, они искренне убеждены, что весь мир, а в нем каждая женщина должны радоваться, что такие красивые, обаятельные и интеллектуальные мужики достаивают их своим вниманием.

Я едва успела потрогать кончиками пальцев воду в омуте свиданий, как вскоре разочаровалась во французах. Был обед с парикмахером, и он непрерывно поглядывал на себя в зеркало, висевшее за моей спиной; был ланч с художником, тот предложил пойти к нему домой и поговорить о его новой картине, которая по случайному совпадению висела над его кроватью; еще был профессор, пригласивший меня на свидание на прошлой неделе... но я так и не заставила себя ответить на его звонки.

Я удрученно вздохнула. Я не американка и не парижанка. Вообще, в эти месяцы я не чувствовала себя вообще никем. У меня не было привязанности ни к одной стране, ни к какому-то человеку. Я казалась себе просто призраком, одиноко плывущим по жизни.

Я проскочила мимо Рю-де-Сен и зигзагами помчалась вниз с обрамленного фонарями холма. Голубое платье трепетало на ветерке, за моей спиной простирался великий город, слезы снова застилали мне глаза, мешая видеть узкую улочку. Я моргнула,

вытерла рукой глаза, и мощенная булыжником дорога снова вернулась в фокус. Впереди меня по тротуару шли пожилые супруги. Они, как и все немолодые французские пары, абсолютно прелестны, сами того не сознавая. Он в спортивной куртке (несмотря на влажную тридцатиградусную жару), а она в легком платье, которое висело в ее шкафу, вероятно, с 1953 года, когда она увидела его в витрине бутика на Елисейских Полях. Она тащила корзинку с рыночными овощами (наверху в ней лежал цукини). Он нес багет и ничего больше, нес его на плече, как винтовку времен Второй мировой, покорно, но с еле заметной и до странного очаровательной досадой.

Мои мысли вернулись к обмену колкостями в кафе, и во мне снова вскипела ярость. В моей памяти звучал его голос, нежный, милый, умоляющий. *Или я слишком сурова к нему?* Нет. Нет. *Может, да?* Нет! В другой жизни мы, может, провели бы этот вечер в каком-нибудь кафе за угловым столиком, пили бы хорошее бордо, слушали трубу Чета Бейкера, обсуждали гипотетическую поездку на греческие острова или постройку оранжереи за домом, где мы потом вырастим в горшке лимон (или авокадо) и будем сидеть под бугенвиллеей; такой, какую посадила моя мама, когда мне стукнуло одиннадцать, перед тем, как папа нас бросил. Джаз. Санторини. Лимонные деревья. Милые, красивые воспоминания, ни одно из них больше не имело смысла. Во всяком случае, в этой жизни. Эта глава прочитана. Нет, вся книга.

Как я могла простить его? Нет, я никогда его не прощу...

«Умение прощать — это дар, — сказал психотерапевт, к которому я ходила несколько раз, — как для вас самой, так и для того, кого вы прощаете. Но никто не даст вам этот дар, если вы не готовы его принять».

Я на секунду закрыла глаза, потом решительно открыла. Сейчас я не была готова к этому и сомневалась, что буду вообще когда-нибудь готова. Полная новой решимости, я еще быстрее крутила педали. Прошлая боль внезапно вернулась, резкая и горькая. Она обжигала, словно прижатый к ранке ломтик лимона.

Я вытерла очередную слезинку, и вдруг откуда ни возьмись передо мной возник грузовик. Меня захлестнул адреналин, как это бывает, когда ты зазевалась за рулем и едва не налетела на встречную машину, столб или человека с собакой. Я вывернула руль вправо, стараясь не задеть мать с маленькой дочкой, которые шли мне навстречу. Девочке было годика два, не больше. Яркое, даже ослепительное солнце играло в ее светлых волосиках.

Я щурилась, глядя на узкую дорогу, и мое сердце билось все тревожнее с каждой секундой. Шофер грузовика меня словно не видит.

— Стоп! — заорала я. — *Arretez!*

Я стиснула ручки руля, ударила по тормозу, но он почему-то не слушался. Улица была крутая и узкая, слишком узкая, и я катилась с горы все быстрее

и быстрее. Шофер грузовика возился с сигаретой, грузовик вилял по булыжнику. Я закричала опять, но парень меня не слышал. Меня захлестнул ужас, густой и огромный. У меня было два варианта: свернуть влево и врезаться в мать с девочкой или свернуть вправо и налететь прямо на грузовик.

Я свернула вправо.

Глава 2

СЕЛИНА

4 сентября 1943 года

Париж, Франция

— Начинается осень, — сказал с печальным вздохом папа, глядя на улицу Клер из окна нашей маленькой цветочной лавки. Над Парижем ярко сияло голубое небо, а в папиных глазах я видела грозные тучи.

— Ох, папа, — ответила я ему через открытую дверь и, поправив свой фартук, смела опавшие лепестки роз с булыжника перед лавкой. Мне всегда было чуточку жалко, что лепестки опадали, как бы глупо это ни звучало. Они напоминали мне заблудившихся маленьких утят, оставших от мамы-утки. — К чему такой невероятный пессимизм, ведь сейчас только начало сентября. — Я шутливо улыб-

нулась. — Лето выдалось чудесное; надо наслаждаться им, пока оно не закончилось.

— Чудесное? — Папа вскинул руки драматическим жестом, как это умеют делать все французы старше шестидесяти. Я часто думала, что наверняка существует старинный французский закон, который гласит, что если ты пожилой мужчина, то ты имеешь бесспорное право ворчать, быть вздорным и противным в любое время и в любом месте. Папа уж точно пользовался этим правом, но я все равно любила его за это еще сильнее. Несмотря на ворчливый характер, у него самое доброе сердце среди всех моих знакомых французов. — Наш город оккупирован нацистами, а ты говоришь, что лето было... *чудесным*? — Покачав головой, он вернулся к своей работе, над которой корпел весь день, — к изысканной цветочной композиции для мадам Жанти, одной из наших самых взыскательных клиенток. Местная законодательница стиля и хозяйка одного из самых фешенебельных ресторанов в городе, «Бистро Жанти», она направляла к нам многих клиентов — новых кандидатов в круг парижской элиты, мечтающих, чтобы их столовая выглядела так же стильно, как у нее. Поэтому мы с папой знали, что не можем рисковать и подводить ее; требования мадам Жанти всегда должны выполняться, какими бы смешными они ни казались и в какой бы поздний (или ранний) час ни поступили. Зелени никогда не должно быть слишком много, но и слишком мало тоже. Только розы, сре-